

ИНТЕЛЛИГЕНТ НА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (НЕОБЫКНОВЕННАЯ СУДЬБА ОБЫКНОВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА)

Из исторических трудов и художественных произведений мы знаем, что после 1917 года в жизни многих жителей России произошли многочисленные изломы. Историки и писатели уже неоднократно показывали «хождение по мукам» хорошо известных и мало известных людей. При этом *«характерно, – по словам Ю.М. Лотмана то, – что только обращение к некоторым литературным образцам позволяет нам в ряде случаев расшифровать загадочные, с иной точки зрения, поступки людей той эпохи»*¹. Современная стадия изучения истории российской интеллигенции характерна появлением живой истории, подлинно гуманитарной науки, где мыслят и действуют живые люди со своими характерами, потребностями и интересами. И это живое знание по истории интеллигенции России не только обязано разрушить старые догматические схемы борьбы белого и красного партийно-политических лагерей за массы, но и должно позволить представить многочисленные факты и описания, содержащиеся в исторических трудах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки – *«постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать»*².

Каждый раз, когда сталкиваешься с конкретным документом, где перед тобой открывается необычайная человеческая история, всегда приходишь в изумление. Подобное изумление я испытал неоднократно при работе в фондах Архива Гуверского Института Стэнфордского университета, где я находился 8 месяцев по гранту Фонда Фулбрайта. Здесь, в Гувере собраны огромные фонды, обширные коллекции из разных стран. Конечно, для меня очевидный интерес представляли коллекции по истории России первой трети XX века. Коллекции неравнозначны не только по объему (от маленькой папки с одним листочком до нескольких сотен боксов в тысячи страниц). Рядом с коллекциями всемирно-знаменитых личностей прошлого может оказаться, например, дипломная работа студентки Новосибирского университета нашего времени. Большую часть русских фондов составляют документы, переданные (или, скорее, проданные в архив) эмигрантами из России. Часть документов была скуплена в разное время американскими представителями в самой России у нищих и голодных россиян. Некоторую часть русских коллекций составляют документы из современных всевозможных российских государственных архивов в копиях или подлинниках (на документах стоят штампы РГВА, ГАРФ, ГАНО, ТОЦДНИ, ГАТО, ГАХМО, АФГАКК, ПАНО, УФСНО и других отечественных архивохранилищ).

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994, с. 344-345.

² Февр Л. Бои за историю. М., 1991, с. 19.

Мне удалось подержать в руках и более или менее внимательно прочитать большую часть документов данного крупнейшего держателя архивов зарубежной россики периода революций и гражданской войны в России. Значительная часть наиболее интересных документов из русских коллекций Гуверского архива уже опубликована (в первую очередь речь идет об известных личностях, крупнейших организациях, нашумевших событиях), некоторые архивные документы (например, эпистолярное наследие из коллекций Маклакова и Вологодского) готовятся к публикации. Но, скорее всего, до двух третей русских архивных коллекций Гувера никогда и ни при каких обстоятельствах опубликованы не будут. Связано это не только с резким угасанием интереса к истории нашей страны в США после распада «главного врага американской нации» – СССР, но и во многом с характером самих коллекций.

Русские коллекции Гуверского архива во многом содержат документы, не представляющие серьезного научного интереса. Например, авансовые отчеты бухгалтерий российских посольств, мне кажется, ни с какой стороны не могут привлечь историков. Огромное количество коллекций документов деятелей Российского Зарубежья составляют прошения о финансовой помощи и расписки в ее получении. Трудно себе представить и реальную отдачу от обработки сотен страниц финансовых ревизий различных белых и эмигрантских организаций.

И, тем не менее, порой в ворохе трафаретных жалоб и прошений, которыми переполнены коллекции документов российских эмигрантских организаций, можно встретить нестандартные документы. Так, в одном из многочисленных боксов коллекции бывшего русского военного агента в Копенгагене С.Н. Потоцкого [**Pototskij S.N., Box 6. Folder 3**] случайно мой взгляд упал на небольшой документ в пять строк, напечатанных на пишущей машинке:

Делегат Воен[ого] Мин[истра]
по делам интернированных в Дании
3 февраля 1919 г. № 1245

Военный агент

Ко мне явился прапорщик Воскресенский (первой партии интернированных), бежавший из России. Прапорщику я выдал соответствующее удостоверение и направил к Вам. Завтра он явится в Копенгаген. При сем прилагаю письмо прапорщика.

Ротмистр [подпись] Гмелин

[Чуть ниже приписка от руки:]
Сообщено в Копенгаген 5.III.1919

Должен признаться, что это был один из ординарных документов среди сотен подобных в данном боксе, и, если мое внимание привлек именно он, то причина заключалась лишь в том, что я увидел родную мне фамилию бабушки по материнской линии – «Воскресенский». Хотя, возможно, это был только повод, а не причина для того, чтобы внимательнее отнестись к данному документу. Сегодня мне даже порой, кажется, что многие десятилетия, словно сказочная «Спящая Красавица» настоящая бумага ждала именно меня для того, чтобы

ее автор из далекого 1919 года заговорил со мной, историком самого конца XX века. После проявленного мною интереса к данному короткому информационному сообщению, я в этой же папке без труда обнаружил и прилагаемый документ. Когда внимательно прочитал его, то понял, что многие художественные произведения по истории революции и гражданской войны в нашей стране уступают ему по своей силе. Мои знания по истории позволили мне представить автора документа не как некую абстрактную личность из 1919 года, а как живого собеседника, бесхитростно повествующего о происшедших с ним перипетиях. Прапорщик Воскресенский в данном рассказе предстает не просто заурядным просителем в одной из многочисленных эмигрантских канцелярий, а как русский интеллигент, имеющий твердые убеждения, сопротивляющийся водовороту исторических событий, имеющий ясную цель своей жизни, и готовый ради нее на многое. Правда, известный отечественный психолог А.Н. Леонтьев афористично отмечал, что *«механизм жизни-подвига необходимо искать в человеческом воображении»*³, и, возможно, что мое воображение историка, имеющего 25-летний опыт чтения исторических документов о том времени и о людях того времени, дополнило незамысловатый житейский документ. Мне, как историку, порой хочется в чем-то уточнить рассказ автора документа, а где-то и поспорить с ним. Иной раз даже возникает ощущение неправдоподобия, того, что Воскресенский рассказывает о себе, но дальнейший ход повествования убеждает в его правоте.

Мы неоднократно видим мотивационные конфликты, которые прапорщик Воскресенский решает с честью. При этом нужно исходить из того, что *«...главной характеристикой поступка как личностного действия можно считать не конкретный круг ценностей, на которые ориентируется субъект при его совершении («общечеловеческие ценности»), а то, что эти ценности есть, и субъект поступка осознанно руководствуется ими при разрешении им мотивационного конфликта»*⁴. Для Воскресенского такими ценностями были Родина, Присяга, Демократия, Любовь.

Впрочем, вот этот документ, написанный каллиграфическим мужским почерком, не требующий развернутых комментариев. Мною в нем исправлены явные грамматические ошибки и описки, а старая орфография заменена на новую.

Möllekildegaard Dyssekilde St. Telef. Hald N 9

Господин ротмистр Гмелин!

Я, прапорщик Воскресенский, который в прошлом году был интернирован из Австрии в Данию в лагерь Хорсерод, в то время Вы были заведующим этим лагерем⁵ и, надеюсь, что меня Вы помните. 10 ноября 1917 года я был вместе с другими офицерами интернирован в Россию. [...]

³ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 209.

⁴ Соколова Е.Е. Идеи А.Н.Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии. // *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева*. М., 1999, с. 88-89.

⁵ Речь идет о лагере русских военнопленных периода Первой мировой войны.

Хочу обратить внимание читателей на эти первые скупые, на первый взгляд, предложения, ибо в них пока многое непонятно, но в действительности в них содержится важная информация, которую необходимо расшифровать. По мнению М. Блока, *«тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать... Всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда в начале – пытливый дух. Ни в одной науке пассивное наблюдение никогда не было плодотворным. Если допустить, что но вообще возможно»*⁶. Прапорщик Воскресенский пишет письмо не просто одному из чиновников, а одному из тех офицеров, ротмистру Гмелину, который его знает по лагерю для русских военнопленных. Из намеков и полунамеков в дальнейшем становится известно, что до Первой мировой войны Воскресенский, после получения специального образования, работал землеустроителем. Был призван в действующую армию, и после прохождения ускоренных курсов получил младший офицерский чин прапорщика. Об этом говорит сам чин Воскресенского – прапорщик, который хотя и существовал в русской армии с XVII века, но с 1884 года присваивался только для лиц запаса и только в военное время. Необходимо отметить, что в то время слово «прапорщик» не носило в российской армии той негативной коннотации, как сейчас.

Неизвестно, как сложилась военная судьба Воскресенского, но он оказался в лагере для русских военнопленных сначала в Австрии, а потом в Дании. Именно здесь знание Воскресенским немецкого языка, скорее всего, полученное при приобретении специальности, позволило ему не только войти в контакт с представителями местного населения, но и найти себе невесту. Наверное, Воскресенский с невестой с нетерпением ждали окончания войны для того, чтобы создать семью. Но снова очередная волна исторических событий ломает судьбу Воскресенского – как русского военнопленного в ноябре 1917 года его интернируют в Россию, где только что произошла большевистская революция. Он хочет спокойно работать, служить Родине, мечтает о воссоединении с любимой невестой. Однако в его личную жизнь вновь врываются исторические события.

[...] В России я проживал в г. Симбирске вместе со своей тетушкой и в качестве землемера занимался в землеустроительной комиссии до тех пор, пока это было возможно. Я, глубоко ненавидящий большевиков, не мог поступить в ряды красной армии и там служить, а потому в глазах большевиков я считался контрреволюционером и жизнь моя находилась в постоянной опасности. Нужно заметить, что в Симбирске, как и в других городах, офицерство и интеллигентный класс, не служащий в рядах красной армии, был расстрелян. Я тоже каждый день ожидал, что вот явятся красные и мне придется разделить ту же самую участь, т.е. быть расстрелянным. Во время восстания наших освободителей чехословаков⁷, я был большевиками арестован и заключен в тюрьму в Симбирске.

⁶ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973, с. 38.

⁷ Имеется ввиду восстание чехословацкого корпуса 24-25 мая 1918 г.

В тюрьме я каждый день наблюдал, как группами уводились офицеры, студенты и т.д. за город, и там были расстреляны. Я тоже ожидал [расстрела]. О, кошмарная история! Но вот наши освободители чехословаки вместе с «народной армией» после взятия г. Самары близко подошли к Симбирску и взяли город, так что красным не удалось провести в исполнение свой сумасшедший замысел – «красный террор». Накануне взятия города гор[одским] комиссаром был отдан приказ буквально вырезать весь буржуазный и интеллигентный класс, но, слава Богу, это не удалось, и я вместе с другими был «народной армией» освобожден из тюрьмы. На другой день офицерство, студенчество и всякий могущий носить оружие как один человек встали на защиту государства против большевиков, и мало помалу создавалась народная т[ак] н[азываемая] «белая армия». Трудно было «народной армии» сопротивляться против «красных», т.к. «народная армия» очень нуждалась в людском материале и амуниции, а «красные» имели достаточно амуниции и получали ежедневно подкрепления из Москвы, так что «народная армия» постепенно сдала обратно города Самару, Симбирск и Казань и отступила за Волгу по направлению к Сибири. [...]

Не могу здесь не прервать повествование героя документа. Описывая события, он, безусловно, руководствуется теми суждениями, которые бытовали в его среде. Однако в документах и материалах более высокого аналитического уровня уже не говорится о нехватке людей и амуниции у белых, а о крупных политических, идеологических и военных просчетах. В первую очередь необходимо отметить, что в ряды красных пошло крестьянство, недовольное возвращением помещикам их земли. Конечно, из белых окопов это было трудно рассмотреть, но пополнявшая свои ряды красная армия также испытывала недостаток в людях и амуниции (иначе, зачем было проводить на красной территории «поголовные мобилизации», о которых автор говорит позже), но поворот крестьянства – основной части населения тогдашней России в сторону большевиков – сыграл решающую роль, что были вынуждены позднее признать и белые, и красные.

[...] Первая офицерская рота, защищавшая подступы к мосту через Волгу близ Симбирска, никак не могла отступить за Волгу, была буквально разбита, и ее жалкие остатки разбежались по лесу. Я тоже был в составе Первой роты и, скрываясь несколько дней в лесу, добрался как штатский человек до Симбирска. В Симбирске, безусловно, оставаться я не мог ни одного дня, мне нужно было скрываться, а потому наскоро я собрал свои вещи, и ночью выехал из Симбирска в соседний город Алатырь, конечно, как штатский. В Алатыре я

получил пропуск от «красных» до Москвы. В Москве я тоже не мог жить, так как не только в гостинице, но и в частном доме без прописки нельзя жить.

В это время в Москве была поголовная мобилизация всего мужского населения, начиная с 18-ти [и] до 50 лет, и все домовые комитеты обязаны были под страхом смерти сообщать в участок все количество мужского населения в означенном домовом комитете. Кроме того, из Москвы ввиду мобилизации были воспрещены выезды. Т[ак] ч[то] мне оставалось только 2 выхода: или служить в рядах красной армии, или достать бумаги военнопленного и выехать из Москвы за границу – на Украину или Лифляндию⁸. Служить в рядах красных после того, как служил в рядах белых, я не мог – это равносильно смерти, а потому я решил достать бумаги военнопленного и как военнопленный выехал за границу. [...]

Заметим попутно, что Воскресенский не объясняет в документе, почему для него «служить у красных, после того, как служил у белых, [...] равносильно смерти». Ведь, были случаи перехода из одного в другой военно-политический лагерь. По словам Ю.М. Лотмана: *«В истории знать какие-либо факты и понимать их – вещи совершенно разные. События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми или бессмысленными»*⁹. Скорее всего в случае с Воскресенским, речь идет о нравственном выборе: для него даже вынуждено служить в рядах красных сегодня – это предательство своих вчерашних товарищей по оружию, отказ от присяги. Поэтому *«то, что и как надо делать, задается через определение того, что и как делать не надо»*¹⁰. Безусловно, «достать бумаги военнопленного» и «выехать за границу» было нелегко, возможно, даже сопряжено с угрозой жизни, но Воскресенский идет на этот риск, ибо он все проанализировал, как положено интеллигенту, и решился на этот поступок. Честь и воинский долг для него не пустые слова. Кроме того, безусловно, он думает и о возможности вернуться к любимой. И так, бывший белый офицер решил обмануть красных и бежать за границу, но еще не оставил и надежды на службу в рядах белых.

[...] Прожив инкогнито довольно продолжительное время в Москве в доме моего товарища, я выхлопотал себе бумаги военнопленного и выехал в Ригу. Нужно заметить, что во время перехода границы русской «товарищи»¹¹ отобрали мои деньги и 2 штатских костюма, др[угие] вещи. Приехав в Ригу,

⁸ Лифляндия (нем. Livland) – официальное название территории Северной Латвии и Южной Эстонии в XVII – начале XX веков.

⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994, с. 13.

¹⁰ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. 1989, с. 35.

¹¹ «Товарищами» в это время называли всех, кто служил у «красных».

я очутился без денег и без работы. Цель моего приезда в Ригу была та, чтобы поступить в ряды белой армии и вновь бороться против большевиков. Но, к сожалению, запись была прекращена в белую армию, когда я приехал в Ригу. Прекращена запись была потому, что сама организация была очень слаба. Прежде всего, чувствовался недостаток в амуниции, затем и в людях. Кроме того, как раз в это время «белая армия» под Нарвой потерпела сильное поражение, и большая часть состава белой армии расплылась, так что думать о дальнейшей организации армии т.к. большевистская армия с каждым днем все ближе и ближе подступала к Риге, а помощи со стороны англичан и французов белая армия не получала – потому в ряды белой армии никто не поступал. Думал было я поступить в Риге в так называемую городскую самооборону, но и туда публика поступала с большой неохотой ввиду большевистского наступления. Все в Риге надеялись, что мы вовремя получим помощь со стороны англичан и французов, но, к сожалению, ожидания не оправдались.

Что же делать? Ясно почувствовалось, что большевики возьмут Ригу; попасть опять в их руки я не хотел. Я понимаю, пасть в честном бою – это хорошо, но попасть в их руки безоружным и знать, что они расстреляют, – нет, я этого сделать не мог – я должен бежать дальше. [...]

Итак, для прапорщика Воскресенского опять возникает сложная ситуация выбора. Все его попытки вернуться в ряды антибольшевистских воинских формирований оказались безуспешными. Он был готов «пасть в честном бою» с красными, выполнить свой долг перед Родиной, Присягой, Демократией, но судьба не предоставила ему такой возможности. В силу вышеизложенного можно согласиться с В.П. Зинченко, который считает, что поступок вполне может не достигнуть цели, но при этом может считаться успешным (то есть получить положительную оценку), если он был произведен как очевидная попытка¹². Для Воскресенского необходимо было выбрать новое направление действий, ибо в Риге оставаться было смертельно опасно, а к белым он попасть не смог.

[...] Но куда? Единственным убежищем, где я могу спасти свою жизнь (о сопротивлении я уже перестал думать, т.к. все равно бесполезно) – это Дания. В Дании, как Вам известно, я оставил свою дорогую невесту.[...]

Прапорщик вновь совершает важный поступок в своей молодой жизни: чрез все препоны он решает добраться до своей любимой невесты. Простой

¹² Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997, с. 185.

выбор в наших современных условиях был совсем непросто в то историческое время, о чем повествует дальнейший рассказ прапорщика Воскресенского.

[...] И вот здесь, в Риге, я начинаю хлопотать о том, чтобы разрешили проехать в Данию. От германского правительства с большим трудом я получил разрешение проехать через Германию до датской границы. Остановился в г. Hadersler Nord Slesvig, в 12 км от датской границы. Из Hadersler я послал первое письмо невесте и родителям моей невесты. Они, конечно, очень обрадовались моему приезду и стали хлопотать через министерство о том, что[бы] мне разрешили проезд через границу в Данию. Обязательно я должен был проехать через Vanidrup – это пограничная датская станция. Когда приехал в Vanidrup, я не получил разрешения ехать дальше в Данию, но чиновник заявил мне: «Нам известно, что Вы едете в Данию к своей фамилии [*Характерная транслитерация немецкого слова «семья», ибо подобного рода «отклонения» в письменной речи, выделенные еще З. Фрейдом, оговорки, описки, ослышки, свидетельствуют, в первую очередь, о постоянных мечтах Воскресенского о встрече с семьей невесты, изъясняющиеся не на русском языке – А.К.*], но мы не можем Вас пропустить, т.к. нет на Вашем паспорте визы датского консула. Вам нужно ехать в Vanidrup, и там от датского консула Вы получите эту визу, т.к. отец Вашей невесты через министерство хлопочет».

Когда я приехал в Vanidrup, то оказалось, что датский консул от министерства в Копенгагене никаких сведений обо мне не получал, и что он не может сделать необходимой визы, и что мне нужно ждать, может быть, месяца 1½ и более, т.к. [оформление визовых документов] делается очень медленно. Обрато я поехал в Hadersler, и здесь прождал еще одну неделю. Всего же я пробыл в Hadersler более месяца, но, нужно заметить, что мне трудно было ждать, т.к. у меня не было денег. Обращаться же к отцу моей невесты за деньгами я считал неудобным, а потому я решил пробраться через границу без необходимого разрешения. Недели 2 тому назад я выехал из Hadersler поездом, почти до самой границы. Затем пешком подошел к границе, и тут с датским солдатом поговорил о том, что в Дании имею невесту, что необходимого разрешения ждать долго, и что я прошу его пропустить меня в Данию. Он посмотрел мой паспорт, письма невесты и отца и пропустил. Я дошел пешком от Коллинга (Kolding), затем поездом доехал до Копенгагена. В Копенгагене я зашел к те-

тушке моей невесты, и вместе с ней, наконец, приехал к невесте и ее родителям. [...]

Всего несколько строк в письме прапорщика Воскресенского вместили почти два месяца его удивительной жизни на границе. Он снова оказывается на моральной высоте, когда предпочитает полуголодное существование на границе и обивание порогов таможенных ведомств, ибо «*обращаться к отцу невесты за деньгами считал неудобным*». И почти невероятное везение с переходом границы было для него вполне заслуженной наградой. Наверное, датский пограничник был также поражен удивительными похождениями русского прапорщика.

[...] Многоуважаемый ротмистр Гмелин! Я надеюсь, что Вам теперь понятно, что я не могу назад вернуться в Россию, пока там большевики. А потому мое желание, желание моей невесты – остаться здесь в Дании, пока не наступит в России порядок. С другой стороны, я не имею необходимого разрешения, чтобы остаться здесь в Дании.

Я прошу Вас принять все зависящие от Вас меры, чтоб помочь мне получить это разрешение. Тетя моей невесты пишет мне, чтобы я обратился к Вам, [для подтверждения того], что я действительно был в прошлом году в лагере Horse-rod, а затем обратиться к русскому консульству, откуда я могу получить необходимое разрешение – паспорт.

Разрешите мне посетить Вас во вторник, часам 10-11-ти для того, чтобы подробно переговорить обо всем.

Пока желаю Вам всего наилучшего.

Ваш пр[апорщик] С.Воскресенский.

Вот такая необычная жизненная история обычного человека, русского интеллигента, работавшего до Первой мировой войны землеустроителем, а во время войны ставшего прапорщиком. Мне кажется, что данная история вполне может стать основой захватывающего художественного произведения. Добавлю только, что ни в материалах военного агента в Дании, ни в документах русского консульства в Копенгагене мне не удалось обнаружить упоминаний о дальнейшей судьбе прапорщика С. Воскресенского. Поэтому можно лишь предположить дальнейшие перипетии судьбы автора (например, высылка из Дании в большевистскую Россию, арест, концентрационный лагерь для контрреволюционеров и даже расстрел буржуазного интеллигента, белого офицера – в одном варианте, или happy and: счастливая жизнь с молодой женой в безмятежной Дании – в ином варианте). К сожалению, в любом случае это будут лишь наши предположения.

Сразу после публикуемого письма лежит фотография, на оборотной стороне которой карандашом сделана надпись «*В походной форме*». Вероятно, что это фотография автора письма, а, возможно, что на ней изображен какой-либо

другой обычный русский интеллигент времен войн и революций с иной необычной судьбой.

Материал написан при содействии Фонда Фулбрайта, предоставившего возможность для 8-месячной стажировки в Стэнфордском университете США.

Автор благодарит руководство и сотрудников Архива Гуверского института войны, мира и революции за активную поддержку научной работы с документами.

©Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии
А.В.Квакин, 2000